

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

**Французская литература 1830-х гг.
в «Библиотеке для чтения»:
особенности редакторской политики
О. И. Сенковского**

Журнал «Библиотека для чтения», издававшийся с 1834 г. под редакцией О. И. Сенковского, в значительной степени влиял на восприятие русскими читателями произведений французского романтизма. В журнале немалое место было отведено переводным произведениям, а также обзорам и новостям литературного процесса в Европе, и в первую очередь во Франции. Однако «Библиотека для чтения» вовсе не стремилась к объективному освещению литературной жизни во Франции, а напротив, тенденциозно искажала факты и собственно переводные произведения, публикуемые в журнале. В данной статье мы постараемся выявить и описать принципы, которыми руководствовался Сенковский в своей писательской и редакторской деятельности, а также выдвинуть гипотезу, объясняющую особенности его литературной стратегии.

Принципиальной особенностью «Библиотеки для чтения» была установка на энциклопедизм, это был первый в России «толстый журнал» с четкой структурой из семи отделов, одним из которых был «Иностранная словесность»; наличие особого отдела свидетельствовало о стремлении подробно освещать литературный процесс в Европе. В журнале ежемесячно публиковались переводные повести, фельетоны, сценки и критические обзоры, причем публиковались весьма оперативно. Временная разница между публикацией какого-либо произведения во Франции и русской версии в «Библиотеке для чтения», как правило, составляла от нескольких месяцев до полугода. В каждом томе печаталась также библиография книг, вышедших за последний месяц в Европе, а в отделении «Смесь» ежемесячно публиковались переводные новости о литературном процессе за границей (в первую очередь, во Франции). Таким образом, «Библиотека для чтения» по всем внешним данным могла претендовать на весьма подробное и адекватное освещение литературной жизни в Европе.

Однако в первом же томе журнала становится очевидной тенденциозность в отражении литературного процесса за рубежом. Сенковский

последовательно провозглашает литературную «войну» против французской «юной словесности», и большинство публикуемых переводных текстов так или иначе встраиваются в полемику редактора «Библиотеки для чтения» с неистовым романтизмом. Переводимые произведения специально подбирались, комментировались или редактировались с этой точки зрения, и многочисленные критические и иронические высказывания были направлены как на французскую романтическую словесность в целом, так и на конкретных ее представителей: Бальзака, Гюго, Дюма, Эжена Сю, Жюль Жанена, Жорж Санд и других писателей.

Но параллельно с этой литературной борьбой Сенковский сам подражал французской «юной словесности» в своих собственных повестях. Он не стремился завуалировать этот факт, а, напротив, обыгрывал эти заимствования. Это расхождение декларируемой позиции с реальной творческой практикой вызвало значительное количество критических и сатирических откликов современников (Н. И. Надеждина, С. П. Шевырева, Н. И. Павлищева, В. Г. Белинского, В. Ф. Одоевского, А. Воейкова и др.) и способствовало формированию одиозной литературной репутации редактора «Библиотеки для чтения».

Рассмотрим, в чем заключалась «война» с французской «юной словесностью». Главным образом она велась посредством тенденциозного редактирования французских повестей, публикуемых в «Библиотеке для чтения». Как известно, активное редакторское вмешательство в чужие тексты вообще было характерной особенностью журнальной политики Сенковского, и именно эта осуществлявшаяся без согласия авторов правка в значительной мере спровоцировала отказ большинства русских литераторов от публикаций в журнале¹.

Принципиальное отличие между оригинальными и переводными повестями заключалось в том, что стилистическая или сюжетная правка переводных повестей часто сопровождалась примечаниями редактора, прямо сообщающими о произведенной правке и обосновывающими ее. Мотивировка этих изменений, так или иначе, последовательно сводилась к борьбе с «юной словесностью». Ранее эти комментарии, как правило, цитировались в научной литературе лишь как свидетельство «реакционных взглядов» редактора «Библиотеки для чтения». Тем более любопытным представляется анализ их как определенной системы взглядов и как значимой части журнального проекта, который реализует Сенковский в «Библиотеке для чтения».

Рассмотрим редакторскую сноску к переводу повести Мишеля Ремона «Перст Божий», опубликованной в первом томе «Библиотеки для чтения»:

«Мишель Ремон, Michel Raymond, составляет одно из знаменитейших литературных имен так называемой юной Франции. Название это вымышлено: оно заменяет имена трех молодых писателей, Брюгер, Гозлан и Массон, которые сочиняют вместе и издают свои сочинения под этою фирмою. Успех романа их *Les Intimes* и повестей *Les contes de l'atelier* приобрел ей лестную известность, по крайней мере, между обожателями господствующей ныне во Франции новой литературной школы, которая, впрочем, совсем не новая. Повесть, которую сообщаем здесь нашим читателям, взята из последнего их сочинения, вышедшего под фирмою Мишель-Ремон. Она, по мнению нашему, лучшая во всей книге: прочие повести или не занимательны или слишком отвратительны, что для пламенных обожателей этой школы составляет тоже красоту. По весьма уважительным причинам мы решились навсегда лишить наших читателей красот подобного рода и избирать для них такие, которые не оскорбляют ни здравого смысла, ни благородных чувств. Само собой разумеется, что в этой повести сокращено или выпущено все, что в подлиннике служит только к увеличению числа страниц, а не достоинства статьи. Это не перевод многоречия Мишель Ремона, но повесть его по-русски...»².

Здесь в программном виде изложены принципы редакторской политики «Библиотеки для чтения». С одной стороны, это своевременная публикация новых произведений французской литературы, снабженных необходимыми разъяснениями (так, провинциальные подписчики журнала могли не знать, что имя автора является псевдонимом) и краткой библиографической справкой — указанием на предыдущие произведения, причем на языке оригинала. С другой стороны, здесь же выражен критический взгляд на «новую школу». Недвусмысленно сказано и об идеологических установках журнала Сенковского, как в том, что касается отбора произведений, так и по части редактуры, «само собой разумеющейся». Стоит, однако, подчеркнуть, что и приведенные критерии отбора произведений для перевода, и принципы их редактуры весьма размыты. Это скорее использование распространенной формулы (произведения, «которые не оскорбляют ни здравого смысла, ни благородных чувств»), предоставляющее редакции «Библиотеки для чтения» значительную свободу действий.

Тем не менее, несмотря на уклончивую формулировку («выпущено все, что в подлиннике служит только к увеличению числа страниц»), речь идет не о мелких исправлениях или сокращениях повести, а о

значительной ее переработке. Как объясняет сам Сенковский в письме к А. В. Никитенко, цензору журнала:

«До какой степени она [повесть «Перст Божий» — *Н. Н.*] переделана, Вы можете судить по числу страниц и листов. Здесь [в оригинальном французском издании, которое Сенковский прилагал к письму — *Н. Н.*] она занимает 15 листов печати, а у нас 2 листа и 3/4. Следственно, ничто не может останавливать Вас в пропуске статьи, совершенно нравственной и благонамеренной»³.

Очевидно, что значительная часть правки текстов могла быть упреждающей мерой против возможного цензурного вмешательства. Сенковскому, как бывшему цензору (чья карьера закончилась из-за пропуска повести Гюго «Лукреция Борджиа»⁴), было в большей или меньшей степени понятно, какие места могут вызвать возражения цензуры и, как следствие, задержку выпуска очередного тома журнала⁵. Однако нет никаких сомнений в том, что правка текстов в «Библиотеке для чтения» была не столько вынужденной условиями цензуры мерой, сколько нормой издания. Например, повесть Бальзака «Отец Горио» была «отредактирована» в «БдЧ», но корректно напечатана в журнале «Телескоп»⁶. Еще одним доказательством может служить и тот факт, что редакторское вмешательство в переводные тексты осуществлялось не только на уровне повестей в «Иностранной словесности», но и на уровне небольших по объему заметок в отделе «Смесь».

Как было сказано выше, в «Смеси» также регулярно помещались тексты, посвященные иностранной словесности, в первую очередь, французской. Это были извещения о выходе новых произведений или переизданиях старых, короткие переводные рецензии, информация об издающихся во Франции журналах и даже их тиражах. С одной стороны, эти двух-трехстраничные заметки претендовали на конкретность и содержательность. С другой, к сообщению зачастую примешивалась оценка или иронический выпад. Например, информация о существовании двух женских периодических изданий во Франции, «*La tribune des femmes*» и «*Journal des femmes*», с последним из которых сотрудничает Жорж Санд, комментируется следующим образом:

«Известно, что главная мысль начальников французского романтизма, — мысль нелепая и столько же противная рассудку, сколько религии, нравам и выводам естественной истории, — заключается в том, будто супружество есть состояние, несогласное с человеческою природою. Гг. Бальзак, Мишель Ремон, Жанен, Виктор Гюго, Фурье и другие ворочают эту су-

масбродную идею уже несколько лет и представляют ее в различных видах, почти при всяком случае»⁷.

Сам факт издания «повременного сочинения, Journal des femmes, из которого исключены мужчины» интерпретируется как одно из последствий разрушительного влияния «нынешней французской школы» на нравы. Стоит отметить, что журналистике 1830-х гг. вообще было свойственно утверждение пагубности «неистовой словесности» как для нравов, так и для психического здоровья человека⁸. В «Библиотеке для чтения» также была перепечатана из французской газеты заметка подобного рода о том, как некая дама под впечатлением от «черных» романов отравила мышьяком двух «преlestных молодых девиц»⁹.

Таким образом, информативная часть заметок отдела «Смеси» в «Библиотеке для чтения» также подбирается и трансформируется в рамках общей «войны» с «юной словесностью». В свете приведенных фактов любопытно, как сам Сенковский сформулировал задачу этого отдела:

«...постоянные статьи Смеси, имеющие целью и обязанностью ограбить дочиста лучшие иностранные журналы, пришедшие в течение месяца, извлекая из них все любопытное, занимательное и не слишком длинное, чтобы для многих из наших соотечественников отменить их необходимость и сберечь деньги на их покупку»¹⁰.

Этот пассаж интересен сразу с нескольких точек зрения. «Библиотека для чтения» претендует на энциклопедизм, т. е. полноценное освещение зарубежной литературной жизни, своевременное информирование читателей о происходящих в иностранной словесности событиях. В то же время, здесь просматривается и претензия на монополию в журнальном мире: коль скоро есть «Библиотека для чтения», ее аудитории совершенно необязательно иметь еще какие-либо источники. Последняя претензия имела под собой некоторые реальные основания: известно, что значительная часть тиража журнала расходилась именно вне столиц, и многие провинциальные читатели действительно были подписчиками только «Библиотеки для чтения». Таким образом, «Библиотека для чтения» стремилась представить читателям свою (и единственно верную) «версию» развития французской словесности, в которой литературные события не только излагались, но и оценивались, и читателям предлагалась картина литературной жизни с заранее расставленными акцентами и приоритетами.

Сенковский не только оценивал и комментировал сообщаемые факты, но и даже прямо искажал их. Это зачастую провоцировало резкие отклики в литературном сообществе. Приведем один пример.

В 17-м номере «Библиотеки для чтения» за 1836 г. в отделе «Смесь» помещается переводная заметка о Жорж Санд. Французская писательница в ней представлена как типичная представительница «юной словесности», причем характеризуется она не столько с литературной, сколько с личностной стороны. Особенно подчеркивается подлинная половая принадлежность французского романиста: Жорж Санд описывается как своего рода жертва эмансипации, за которую, как регулярно утверждал Сенковский в статьях «Библиотеки для чтения», столь активно ратовала неистовая словесность. Особенности поэтики «юной словесности» проецируются на биографический ряд; пагубный эффект французского романтизма демонстрируется на «реальном» примере писательницы, претворяющей в жизнь свои произведения.

Тенденциозное искажение французского источника Сенковским в данном случае выглядело столь вопиющим, что вскоре газета «Северная пчела» опубликовала опровержение заметки «Библиотеки для чтения»¹¹. В газетной статье подробно разбиралось, каким образом Сенковский меняет содержание французской заметки, намеренно перевирая как факты биографии Жорж Санд, так и высказывания писательницы, причем в доказательство, помимо указаний на конкретные искажения, приводился и французский оригинал статьи, переведенной «Библиотекой для чтения». Таким образом, редакторская правка Сенковского показалась чересчур своевольной даже «Северной пчеле», газете консервативных, проправительственных убеждений, отстаивавшей «благонамеренность» и также регулярно отрицательно отзывавшейся об актуальных течениях во французской словесности.

Редактирование переводных текстов впоследствии осмыслялось Сенковским как привычная практика, уже не требующая дополнительных обоснований. Так, публикация повести Бальзака «Необыкновенная женщина» в 26-м томе журнала за 1838 г. не сопровождалась даже редакторской сноской — только в разделе «Смесь» была помещена небольшая заметка¹², в которой Сенковский в очередной раз негативно характеризовал состояние французской словесности и сетовал на полное отсутствие в ней достойных для представления русскому читателю произведений. Редактор также сообщал, что повесть Бальзака была выбрана им после долгих поисков, а сам факт ее переделки упоминался как сам собой разумеющийся, не нуждающийся уже в особых комментариях.

Борьба «Библиотеки для чтения» с французской словесностью не ограничивалась лишь редактурой публикуемых произведений, а выражалась и в прямо высказанных критических оценках. Так, Сенковский прямо проводил параллели между «новой школой» и Французской революцией с точки зрения разрушительности их воздействия: «...“юная словесность”, совершенно отторгнувшаяся от логических начал чистого романтизма, не есть литературная школа: это прямо вторая Французская революция в священной ограде нравственности...»¹³.

Кроме того, в подкрепление своей критики Сенковский привлекал и статьи из иностранных журналов. Например, в первом же томе «Библиотеки для чтения» в отделе «Иностранной словесности» было опубликовано «Мнение известного английского журнала *Edinburgh Review* о нынешней французской словесности»¹⁴. Содержание этой переводной статьи представляло собой критический обзор французской романтической литературы. Произведения Гюго, Дюма, Жанена и Бальзака прежде всего осуждались за «безнравственность», и отрицательные оценки иллюстрировались подробными пересказами разбираемых сочинений. Статья сопровождалась сочувственными сносками редактора, где говорилось, что даже французским журналистам пришлось признать справедливость этой критики. В примечании также акцентировался один из выпадов: «Что бы сказал сочинитель этой статьи, если б еще знал *Лелию*, последний роман г-жи Дюдеван, скрывающейся под кровавым именем Занда?»¹⁵. Приведенная сноска в свою очередь демонстрирует полемическую тактику Сенковского. Как отмечает Ю. Н. Тынянов, здесь Сенковский «полемически использует сходство псевдонима Жорж Санд с именем Карла Занда, немецкого революционера, убившего в 1820 г. агента Священного союза Коцебу и казненного»¹⁶.

Таким образом, литературная «война» Сенковского подразумевала активные боевые действия: он не игнорировал «неистовую словесность», а напротив, последовательно акцентировал и преувеличивал ее отрицательное воздействие на публику.

Однако литературная позиция Сенковского основывалась на сложной динамической системе противоречий и литературной игры. Последовательная «война» Сенковского с «новой французской школой» сочеталась с заимствованиями из произведений самой же «неистой словесности». Современники Сенковского неоднократно «уличали» его в подражаниях и заимствованиях из произведений представителей «новой французской школы», да и сам литератор не столько стремил-

ся скрыть эти заимствования, сколько, напротив, привлекал внимание читателя, иронически обыгрывая их. Приведем конкретные примеры.

Повести Сенковского 1833 г., под которыми впервые появилась подпись «барон Брамбеус», являлись переработками повестей Жюль Жанена и Бальзака. Это спровоцировало обвинения в плагиате, в частности, пространную статью Н. И. Павлищева «Брамбеус и юная словесность»¹⁷, опубликованную в журнале «Московский наблюдатель» в 1835 г. Статья была посвящена подробному разбору параллельных мест и заимствований Сенковского как из повестей Жанена и Бальзака, так и вообще из всей французской литературы, например, из «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле. Очевидно, что разоблачительный пафос Павлищева был спровоцирован не столько фактом плагиата как таковым, сколько фактом плагиата в контексте декларируемой Сенковским «войны» с «юной словесностью». На это указывает и тот факт, что статья была напечатана через два с лишним года после выхода повестей; следовательно, актуальность ее заключалась именно в соотношении дебюта барона Брамбеуса с последующей редакторской политикой Сенковского.

Прямое подражание двум писателям-представителям «неистой словесности» вовсе не помешало Сенковскому критиковать французский романтизм непосредственно в самих повестях:

«Проза сделалась настоящей помойной ямой: она толкует только о крови, грязи, разбоях, палачах, муках, изувечениях, чахотках, уродах; она представляет нищету со всею ею отвратительностью, разврат со всею его прелестью, преступление со всею его мерзостью, со всею наготой, соблазн и ужас со всеми подробностями»¹⁸.

Наряду с вполне серьезными инвективами в адрес «неистой словесности», в повестях обнаруживаются и не столь резкие по тону иронические выпады в ее адрес. Так, в «Большом выходе у Сатаны» «черт словесности» докладывает Сатане о французском театре:

— Все романтические пьесы, ваша мрачность. На одном театре представляли чертей поющих, на другом — чертей пляшущих, на третьем — чертей сражающихся, на четвертом — виселицу, на пятом, гильотину, на шестом — мятеж, на седьмом — Антони¹⁹ или прелюбодеяние...

— Неужели?.. — воскликнул Сатана. — Ну что, как, хорошо ли представляли прелюбодеяние?

— Очень хорошо, ваша мрачность: очень натурально²⁰.

Таким образом, Сенковский постоянно варьирует эмоциональную окраску и скорее играет на контрастах и противоречиях, нежели стремится утвердить единственно правильную оценку.

Можно привести еще один пример подражания Сенковского «нестовой словесности» и иронического автокомментария на сей счет. В «Повести»²¹, опубликованной в «Библиотеке для чтения» и также подписанной псевдонимом барон Брамбеус, встречается следующая характеристика «юной словесности»:

«Повесть, которую турецкий полицмейстер задумал сыграть с повествователем, явно клонилась к духу и красотам юной словесности: представьте только все ужасы голода посреди богатого торгового города и в виду кораблей, грузящих съестные припасы в Старой гавани! сочинителя повестей, пожирающего своих слушателей! слушателя, огрызающего ножку сочинителя повестей! Да это сцена из романа Евгения Сю...»²²

Эта характеристика явно соотносится со сценой из «Фантастических путешествий» барона Брамбеуса, в которой юноша, оказавшийся со своей молодой женой отрезанным грандиозным потоком от остального мира, от голода поедает девушку — со следующей финальной репликой: «Я съел кокетку!..»²³

Как представляется, при анализе литературной стратегии Сенковского первостепенное внимание нужно уделить тому, в каком качестве в каждом конкретном случае выступает литератор и как именно подписывается каждый конкретный текст.

Сенковский прибегал к псевдонимам на протяжении практически всей своей литературной деятельности: Тютюнджу-Оглу, барон Брамбеус, А. Белкин, Осип Морозов и др. Использование вымышленных имен никогда не имело своей целью скрыть подлинного автора повести или статьи, а являлось частью литературной стратегии Сенковского. Необходимо отметить, что тот или иной псевдоним мог закрепляться за определенным аспектом литературной деятельности и оказывался своеобразным маркирующим ее знаком.

Объяснить описанное выше противоречие может помочь анализ того, каким образом Сенковский использует созданную им литературную маску барона Брамбеуса. Как кажется, этот псевдоним маркирует своего рода «беллетристический проект» Сенковского, созданный с расчетом на коммерческий успех и положивший начало широкой популярности литератора, а также формированию его неоднозначной литературной репутации. Обыгрывание произведений «юной словесности» с одновременными ироническими выпада-

ми в ее адрес были характерны именно для произведений, изданных под маской барона Брамбеуса, в то время как в качестве редактора «Библиотеки для чтения» Сенковский значительно более прямолинеен и последователен в декларируемой «войне» с «неистой словесностью». В литературной стратегии Сенковского совмещаются два разнонаправленных стремления: с одной стороны, завоевание популярности у публики с помощью произведений, выдержанных в модном духе, а с другой — нейтрализация возможного пагубного влияния последних, в соответствии с тем пониманием роли и места литературы в обществе, которое литератор сформулировал в одной из статей: «Если словесность на что-либо нужна обществу, то первая ее обязанность, в настоящем его положении, скреплять всеми мерами общественные и семейные узы, успокаивать умы, внушать доверие к собственным силам и к святости нашей природы...»²⁴

Таким образом, провозглашая войну с «неистой словесностью», Сенковский не игнорирует произведения французского романтизма, а использует их как материал для собственной литературно-журнальной деятельности. Как заимствуя отдельные детали, так и трансформируя общую картину в целом, Сенковский буквально переписывает на страницах «Библиотеки для чтения» современную ему французскую литературу.

Примечания

- ¹ Подробнее об этой проблеме см.: Шаронова А. В. К проблеме взаимоотношений редактора и авторов «Библиотеки для чтения» // Русская литература. 2000. № 3.
- ² Мишель Ремон. Перст Божий // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 2. С. 1.
- ³ Шаронова А. В. О. И. Сенковский в письмах к А. В. Никитенко // Пушкин: исследования и материалы. Т. 16–17. СПб. 2003. С. 403–404.
- ⁴ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т. 113. № 3. С. 573.
- ⁵ Вот показательное свидетельство: «Я когда что-нибудь пишу, то пишу всегда так, как сам бы пропускал чужое сочинение». Шаронова А. В. О. И. Сенковский в письмах к А. В. Никитенко // Пушкин: исследования и материалы. Т. 16–17. СПб., 2003. С. 402.
- ⁶ См. Реизов Б. Г. Бальзак. Л., 1960. С. 163–172.
- ⁷ Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. Отд. 7. С. 83.
- ⁸ См. Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма. Л., 1929. С. 114.
- ⁹ Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. Отд. 7.
- ¹⁰ Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. Отд. 7. С. 87–88.

- ¹¹ Северная пчела. 1836. № 182.
- ¹² Библиотека для чтения. Т. 26. Отд. 7. С. 73—74.
- ¹³ Барон Брамбеус. [Сенковский О. И.] Брамбеус и юная словесность // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Отд. 1. С. 39.
- ¹⁴ Мнение известного английского журнала *Edinburgh Review* о нынешней французской словесности // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 2.
- ¹⁵ Там же. С. 59.
- ¹⁶ Тынянов Ю. Н. Французские отношения Кюхельбекера // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 336.
- ¹⁷ Павлищев Н. И. Брамбеус и юная словесность // Московский наблюдатель. 1835. Т. 2.
- ¹⁸ Сенковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса. М., 1989. С. 253.
- ¹⁹ «Антони» — пьеса А. Дюма (1831).
- ²⁰ Сенковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса. М., 1989. С. 254.
- ²¹ Барон Брамбеус [Сенковский О. И.] Повесть // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 7. Отд. 1. С. 90—114.
- ²² Там же. С. 97.
- ²³ Сенковский О. И. Сочинения барона Брамбеуса. М., 1989. С. 130.
- ²⁴ Барон Брамбеус. [Сенковский О. И.] Брамбеус и юная словесность // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 3. Отд. 1. С. 59—60.